

Зураб Кипшидзе, АРТИСТ ТБИЛИССКОГО ТЕАТРА КИНОАКТЕРА

Осенью 1982 года «Дон Жуан» режиссера Туманишвили шел в Москве.

Немало похвальных эпитетов выпало и на долю исполнителя роли мольтеровского героя Зураба Кипшидзе.

Как ни покажется, быть, может, неожиданным это утверждение, но Кипшидзе создал классический тип Дон Жуана. Мы, кажется, уже привыкли, что не во внешнем блеске дело, что главное — мысль, которую несет актер, его интеллектуальное «я».

А Дон Жуан Зураба Кипшидзе изысканно красив. Высокий, стройный, с тонкими чертами лица. Рядом с ним по контрасту — коренастый, смуглый, круглолицый Сганарель — А. Амиранашвили. В этой открытой «типажности» — один из секретов театральности режиссера Михаила Туманишвили, который одинаково не боится и гротескных преувеличений, и узнаваемых жизненных реалий, у которого все идет в ход, и любые на первый взгляд случайные детали неизменно образуют цельное, полное острого смысла и изобразимой привлекательности зрелище.

В спектакле царит импровизационная стихия, в которой «купаются» герой Кипшидзе, и мы лишь к концу вдруг осознаем, какого диапазона актерских возможностей требует такая игра. Этот Дон Жуан не просто красив, но умища, необычайно внутренне подавлен. Он единственный среди всех по-настоящему живой человек. Потому таким печально-проничным бывает его взгляд перед очередной интригой, драматический исход которой он предвидит, но и остановиться уже не может. Мы видим этого Дон Жуана великолепным и смешным, отчаянным и отчаявшимся, но никогда — застывшим, «неживым».

Зураб рассказывает: «Туманишвили так подводит актера к роли, что тому кажется, он делает все это сам. Если представить себе режиссерскую партитуру его спектакля как музыкальную, то в ней как бы всегда предусмотрены пустые строки для нашей импровизации. Он дает тему, мы — свои вариации».

Зураб Кипшидзе любит джаз, в школьные годы даже играл в ансамбле. С детства увлекается футболом. Когда был подростком, ходил заниматься на ипподром. Он настоящее дитя своего города. Легко представить, как идет по нему не спеша, останавливается, разговаривает со знакомыми.

Впрочем, вряд ли у него есть на это время. Сейчас он постоянно ощущает, что двадцати четырех часов в сутки маловато. Теперь телевидение и кино в его творческих буднях конкурируют на равных и по своему добавляют что-то в его актерский багаж.

Кстати, кино с театром долгое время не могли мирно ужиться в его судьбе. Теперь над этим можно и посмеяться, но лет десять назад, когда из-за бесконечных съемок студенту Тбилисского театрального института грозило отчисление, было не до шуток. Гром все-таки грянул. Судьба привела Зураба в Москву, во ВГИК, где он учился на курсе С. Герасимова. После окончания вернулся обратно к М. Туманишвили, который как раз в это время создавал новый Театр киноактера. Зураб Кипшидзе пришел вопре-

мя — что может быть лучше, чем начинать новое дело с людьми, которым веришь.

Наверное, это событие было закономерным в его жизни. Особенно если учесть, что Зураб вырос в театре, его мать и отец — актеры. Сегодня, несмотря на большое количество работ в кино, невозможно себе представить Кипшидзе нетеатральным актером. Пожалуй, главное «театральное» его качество — способность к полной трансформации. Актер всегда разный, всякий раз новый. Мы устаем от одинаковых, в каждой роли играющих «себя». И когда видишь, с какой легкостью, без малейшей натуги актер «превращает» себя в другого человека, и все у него становится иным — мысли, чувства, взгляд, походка, голос, — это праздник.

В кино Кипшидзе тоже переиграл много разноплановых ролей. Были и школьник, его тезка Зура в картине Ланы Гогоберидзе «Когда зацветет миндаль», и отважный комсомолец Априцион в фильме Ш. Манагадзе «Тепло твоих рук», и влюбленный слуга Фабрицио в телескринизации комедии Карло Гольдони «Хозяйка гостиницы».

Однако именно в театре принципиально важен и интересен «ряд волшебных превращений» актера. В «Деле» А. Сухово-Кобылина он играет Тарелкина, характер почти гротескный и вместе с тем психологически противоречивый. А в древнем сказании Якова Цуртавели «Мученичество Шушаники» — человека, главная черта которого жестокость. Недавняя премьера Театра киноактера — пьеса Т. Уайлдера «Наш городок» открыла нам «трагикомического» Кипшидзе. Его Арчил Гамрекели, спившийся от несчастливой любви художник, временами очень смешон. Но что в этом длинном, костюмном человеке с небритым лицом и глубоко запавшими печальными глазами придают нашему смеху горький привкус. Зураб приоткрыл тайну: на первых спектаклях он гримировался под Пяросманя. Потом понял, что в этой роли неуместны прямые ассоциации. Действительно, прямая ассоциация в спектакле нет. А есть нечто более важное — то, что дало образу объем, историческую перспективу.

Я предвидела, что Зурабу Кипшидзе трудно будет ответить на вопрос, кого бы он хотел сыграть. В конце концов он заметил, что ему все равно — было бы что сказать в роли. И все-таки одно признание вырвалось: хочу сыграть в чеховской пьесе. Такая возможность, кажется, представилась: в театре репетируют «Вишневый сад». Зурабу достался Гаев. «Это, пожалуй, самый неразгаданный персонаж пьесы. Вокруг него — какой-то дым. Другие характеры гораздо яснее. А у Гаева — вся жизнь позади».

Интересно, каким он получится у Кипшидзе?

Н. КАМИНСКАЯ,
наш спец. корр.
ТБИЛИСИ.

● Зураб Кипшидзе.

Фото М. Ростомашвили.

Соб. кинотеатр, 1984, 20 лет